

ФГБУ ВО «Курский государственный университет»

**ЭПОХА “ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ”
В ЛИТЕРАТУРЕ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ
(«ФЕТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»)**

Материалы Международной научной конференции
30 июня – 1 июля 2017 года

Курск 2018

УДК 80
ББК 83
Э 72

Рецензенты

доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией филологии
Южного научного центра РАН *М.Ч. Ларионова*
доктор филологических наук, профессор *В.В. Тихомиров*

Эпоха “великих потрясений” в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения») [Текст]: материалы Международной научной конференции / редкол.: Е.М. Криволапова (отв. ред.) [и др.]; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2018. – 260 с.

В сборник включены материалы Международной научной конференции «Эпоха “великих потрясений” в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»), проходившей в г. Курске 30 июня – 1 июля 2017 года. Конференция посвящена эпохальному событию – 100-летию русской революции 1917 года. Работы ведущих отечественных и зарубежных исследователей русской литературы, лингвистов, а также аспирантов и магистрантов представляют широкий круг вопросов, посвященных осмыслению событий 1917 г., проблемам изучения творчества А.А. Фета, общим вопросам традиций и ценностей русской литературы, ее преподавания в современной школе. Отдельный раздел сборника составляют работы, где рассматриваются языковые процессы в периоды революционных «сдвигов».

Книга адресована филологам, историкам, философам, магистрантам и аспирантам-филологам, а также широким читательским кругам, интересующимся русской литературой и культурой начала XX века.

Сборник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещен в научной электронной библиотеке (www.elibrary.ru).

© Курский государственный университет, 2018

УДК 81

*А.М. Любомудров
(Санкт-Петербург)*

**«Наш дар бессмертный – речь». Выступления творческих
деятелей в защиту русского языка как национального достояния
(1917–1918)**

Аннотация: Статья посвящена борьбе за национальные культурные ценности в эпоху революционной ломки. Проанализированы выступления в печати 1917–1918 гг. (в частности, в журнале «Народоправство») в защиту русской речи и традиционного правописания. Художники и литераторы, среди которых Б. Зайцев, Вяч. Иванов, А. Блок, И. Бунин, М. Шагинян, Вас. Розанов, Н. Досекин, Д. Аркин, Б. Николаев, В. Чудовский, осознавая угрозу исчезновения культурного слоя, предлагают пути к очищению языка, сбережению его богатства и выразительности. Они единодушно отвергают реформу орфографии, начатую Временным правительством и внедряемую большевиками. Рассмотрены аргументы творческих деятелей против нового правописания, главный из которых — разрыв с многовековым достоянием народа. Эти аргументы актуализированы в трудах современных ученых, признающих ценность традиционной орфографии.

Ключевые слова: русский язык, речь, орфографическая реформа, правописание, Д.Е. Аркин, Н.В. Досекин, Б.К. Зайцев, культурные ценности, русская революция, 1917 год

Lyubomudrov A. M.

**"Speech is an immortal gift for us." The reports of creative artists in defense of
the Russian language as a national heritage (1917-1918)**

Abstract: The article focuses on the struggle for the national cultural values during revolutionary destruction. The publications of 1917–1918 years (especially in the weekly "Narodopravstvo") for defend of Russian speech and traditional spelling are specially reviewed. The authors of these publications, among them such writers and artists as B. Zaytsev, Vyach. Ivanov, A. Blok, I. Bunin, M. Shaginyan, Vas. Rozanov, N. Dosekin, D. Arkin, B. Nikolaev, V. Chudovsky, realizing a new threat of cultural destruction, offer some ways to clarification of the Russian speech and keeping its grammatical correctness, richness and expressiveness. They unanimously renounce the spelling reform started by the Provisional government and then violently introduced by the Bolsheviks. The article focuses on the many arguments of creative figures against new spelling, and the most important of them is a gap with centuries-old heritage of the people. These arguments are actualized in the works of contemporary philologists who declare the values of Russian traditional orthography.

Keywords: Russian language, speech, spelling reform, orthography, D.E. Arkin, N.V. Dosekin, B.K. Zaytsev, cultural values, Russian revolution, 1917

Короткая, но яркая страница в истории российской общественной

мысли – борьба за сбережение национальных культурных ценностей, оказавшихся под угрозой в результате падения царской власти. С первых дней Февральской революции широко обсуждались вопросы государственного и культурного строительства новой России: экономика, политика, национальная демократия, церковная жизнь. Уничтожение прежнего культурного слоя, ставшее особенно беспощадным после Октября, порождало протест национально мыслящих общественных деятелей.

Как часто бывает на переломе эпох, наружу прорвалась речевая стихия, ломающая традицию. Стремительно менялся язык: по-новому зазвучала устная речь, законодательно упрощалось правописание. Самые яркие выступления в защиту русского слова появились на страницах журнала «Народоправство». Этот еженедельник выходил с июня 1917 по февраль 1918 года под редакцией Г.И. Чулкова, в нем печатались московские ученые, философы, критики, а также именитые литераторы: А.Толстой, Г.Чулков, Вл.Ходасевич, А.Ремизов, Вяч. Иванов, М.Пришвин, Ив.Новиков, Бор. Зайцев.

Автор статьи «Судьба языка» в номере от 1 сентября 1917 года Давид Ефимович Аркин (1899–1957) впоследствии стал известным советским художественным критиком, историком архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В 1917 году ему было 18 лет, он только что перешел на второй курс Московского университета. Пафос его статьи — сбережение языка как главной «родовой драгоценности народа». В качестве эпиграфа он выбрал стихотворение Бунина «Слово» (1915):

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте,

Звучат лишь Письмена.
 И нет у нас иного достоянья...
 Умейте же беречь,
 Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
 Наш дар бессмертный — речь.

По мысли Аркина, главная опасность, грозящая русскому слову, — прагматизм. Вышедшее из тьмы «хамское и звериное» намеревается приспособить язык к своим нуждам. «Прислушайтесь к говору улиц и площадей, к речам сходок, к каждодневным, обыденным разговорам: какая страшная бедность словаря, какое убожество словесных образов, какая грубая невнимательность к правильности и чистоте языка, какое нерадение о слове!»; «бедность языка есть лишь первый и самый яркий признак общего духовного обнищания» [Аркин 1917: 8, 9]. Автор ставит язык в прямую зависимость от самосознания: «Судьбы национального сознания нераздельны с судьбами языка; утрата национального сознания (сказавшаяся, в настоящее время, так ярко и выразившаяся, между прочим, в подмене реальности, — национальной идеи — фикцией, идеей «интернационала»), есть утрата <...> *языкосознания*. Напротив, чаемое возрождение национального сознания будет неизбежно сопряжено с возрождением слова, языка» [Аркин 1917: 8–9].

«Болезнь языка» затронула не только низовые массы, но и образованный слой. Истоки Аркин видит в петровском времени, когда оформился роковой для России отрыв интеллигенции от народа — он привел к разобщению культур, глухой стеной отделил одну часть от другой. С той поры «народ» и «интеллигенция» заговорили на разных языках и в переносном, и в буквальном смысле. Первоочередная задача видится автору в том, чтобы стереть эту межу.

Заканчивается статья Аркина призывом к напряженной творческой

работе в области языка, в этом видится автору «первая задача нашего культурного дела». Язык — следствие духовно-нравственного устройства общества, поэтому, справедливо полагает автор, его очищение «может свершиться лишь через обретение в себе творческих энергий, лишь через очищение нашей собственной души» [Аркин 1917: 9]. Здесь первую роль должна сыграть интеллигенция, люди творческого духа. Идеальный русский язык автор предлагает искать в поэзии: облагородить обыденную речь, вернуть ей жизненность и силу — это дело прежде всего тех, кто обладает «творческими потенциями».

Статья, написанная молодым человеком еще до октябрьских событий, в целом оптимистична, исполнена надежд: «возможно, великой трагедии суждено завершиться благодатным *очищением* души, — это очищение будет, вместе, и обретением в себе слова живого» [Аркин 1917: 9]. Несмотря на наивность и утопичность прогнозов, диагноз языковым процессам был поставлен автором точно. Спустя несколько лет тезаурус части советских граждан сократился до словаря ильфовской Элочки.

Если в устной речи переформатирование языковых норм происходило стихийно, то в речи письменной оно вводилось государственными циркулярами. Реформе правописания посвящены статьи Н.В. Досекина «Обязательная неграмотность» и Бориса Зайцева «Наш язык». Обе они опубликованы в номере «Народоправства» 17 декабря 1917 г.

Стоит напомнить, что реформа готовилась задолго до революции: она обсуждалась в Орфографической подкомиссии при Императорской Академии наук под председательством А.А. Шахматова, созданной в 1904 году и включавшей в себя видных лингвистов — они-то и подготовили проект упрощения правописания. С самого начала обсуждения проекта российское общество разделилось: реформу поддержали ученые-филологи, преподаватели школ, но резко возражали писатели и критики: они

рассматривали традиционную орфографию как неприкосновенное национальное достояние. В императорской России реформа была приостановлена, но Временное правительство не мешкая взялось за ее реализацию: 11 мая 1917 г. было утверждено «Постановление совещания по вопросу об упрощении русского правописания» (в нем перечислялись все изменения); вслед за тем циркуляры министра народного просвещения А.А. Мануйлова от 17 мая и 22 июня предписали попечителям учебных округов перевести школы на новое письмо. По имени министра новая орфография получила прозвание «мануйлица». (Подробнее об истории реформы см.: [Григорьева 2004]).

Голоса протеста вновь раздались со стороны творческой интеллигенции: М.С. Шагинян в иронической заметке «Тяп да ляп» отмечала, что реформа принята лишь «для облегченья учеников приготовительного класса», «ей удастся много запутать и многому повредить», прежде всего как раз «делу народного просвещения» [Шагинян 1917]. Вас. Розанов в «Новом времени» писал о несвоевременности и нигилизме преобразований, когда в угоду ученикам вносится «ложное и смешное правописание, противоречащее духу и истории славянского и русского языка» [Розанов 1917].

С настоящим манифестом в защиту традиционного письма выступил журнал «Аполлон»: в апрельско-майской книжке 1917-го года в качестве передовицы была напечатана статья поэта и искусствоведа В.А. Чудовского «За букву Ъ». Реформа рассматривалась им в мистико-философском контексте, как посягающая на «наследие веков» и наносящая смертельную рану филологической традиции. «Язык — религия; правописание — святой обряд ее». Буква Ъ есть «символ языковедного предания», и убийство этого символа станет убийством сути [Чудовский 1917: VI–VII].

Таким образом, авторы «Народоправства» в только что наступившую советскую эпоху полемизируют с пунктами «упрощения русского правописания», принятыми еще Временным правительством, — за две недели до их подтверждения правительством большевиков (23 декабря 1917 г. нарком просвещения А.В. Луначарский выпустил декрет о переходе на новое письмо, повторяющий пункты майского постановления).

Автор первой статьи, Николай Васильевич Досекин (1863–1935) — живописец-пейзажист, скульптор, сценограф, член Товарищества передвижных художественных выставок, соучредитель Союза русских художников. Отмечая «всеобщее несочувствие реформе», автор пишет, что выступают за нее лишь «ремесленники преподавания». Они забыли об «органической иерархии ценностей, нарушение которой всегда ведет к падению культуры» [Досекин 1917: 10]. Общество не должно позволять министрам «уродовать всенародное достояние» в угоду полуграмотной России. Автор последовательно и логично предъявляет претензии к реформе и выдвигает аргументы против нее:

1. Эстетическая несостоятельность: «мы до конца дней осуждены на отравленное чтение».

2. Неуместность и несвоевременность: в эпоху революции и мировой войны, неразрешенных социальных и политических проблем общество вынуждено «переучиваться и заниматься орфографическими упражнениями».

3. Несостоятельна апелляция к тому, что новые правила выработаны учеными-филологами, академиками: «Филология есть наука историческая и не может диктовать свои требования языку. <...> Это дело художников слова».

4. Решение принято лишь ради «практического удобства безграмотной и полуграмотной России», академики выдали карт-бланш

учителям: «делайте, как хотите; нам решительно все равно, что вы сделаете из русского языка, так как *охранять его не стоит*» (курсив автора – А.Л.).

5. Предъявлен упрек и самим учителям, которые в массе поддержали новое письмо: реформа сделана исключительно для нужд низшей школы, она «скорее вырублена с топорной прямолинейностью».

6. «Самое утверждение, что существующее правописание чрезмерно трудно для русского школьника, признает этого школьника принадлежащим к низшей расе, чем дети наших союзников Франции и Англии, где правописание представляет трудности без сравнения большие, чем у нас» [Досекин 1917: 9, 10].

Н. Досекин призывает к активному протесту против нововведений, к защите отечественной культуры: «Русский язык есть наше достояние, наше богатство и мы не должны дозволить расхищать его ни академикам, ни учителям низшей школы». Вывод: «Комиссия, составленная из одних только филологов, ученых и педагогов, не должна быть признана правомочной в решении данного вопроса, а приговор её должен быть признан не имеющим никакой силы» [Досекин 1917: 10].

В творческом наследии Б.К.Зайцева, утонченного лирика, певца «спокойствия», «уединения» и «тишины» (названия его рассказов), редко можно встретить острую публицистику на злобу дня. Яркое, страстное, эмоционально окрашенное слово впервые прозвучало из его уст именно в «Народоправстве», когда он выступил на защиту национальной культуры, «цветущей сложности» родной речи. Статья «Наш язык» — не единственная публикация Зайцева в идейно близком ему журнале, возглавлявшемся его другом, Г.И.Чулковым. В первом и втором номерах писатель опубликовал свои воспоминания о событиях Февральской революции в Москве [Зайцев 1917а], а после Октября, когда журнал включился в открытую борьбу с властью, уничтожающей свободу слова, Б.

Зайцев помещает в нем «Открытое письмо А.В. Луначарскому», где обличает литератора и наркома просвещения в содействии тотальной цензуре и закрытии ряда газет [Зайцев 1917б].

В статье «Наш язык» Зайцев озабочен очевидным снижением уровня образования, прежде всего школьного, в котором очевидны тенденции к «сокращению и упрощению». Он предвидит, что реформа приведет к умственной и культурной деградации народа. Эти мысли перекликаются и с сегодняшними спорами, касающимися школьных курсов русского языка и литературы.

Указывая, что в реформе есть две стороны — филологическая и эстетическая, Зайцев включается в спор о том, сохраняется ли звуковое отличие гласных, обозначаемых буквами е и ѣ. Ряд ученых полагал, что различие в выговоре этих букв исчезло в XIX веке, другие утверждали, что особое произношение ятя сохранялось в речи и в начале XX века. Б. Зайцев убеждён: «Ять острее, я бы сказал — ядовитее по звуку, чем е. Горячее его. Оно почти всегда вызывает на себя ударение и смягчает предшествующую согласную. Отзвук древнего і в нем не утерян. Выбрасывать его — значит упрощать язык в дурном смысле, лишать его оттенка» [Зайцев 1917в: 7].

Но главный критерий, с которым Зайцев подходит к оценке реформы, культурно-эстетический: она искажает облик языка великой русской литературы. В подкрепление своей позиции он привлекает имена классиков: напоминает слова Тургенева о «великом и могучем» языке, приводит написание пушкинской строки «Редет облаков летучая гряда» в старой и новой орфографии, чтобы продемонстрировать бедность последнего варианта. Лишь люди, напрочь лишённые эстетического чутья, согласятся с реформой: «Безобразие, нетворческий и мертвенный характер реформы особенно ясны тогда, когда в руках держишь страницы, напечатанные на этом гнусном волапуке. Надо быть или ослепленным

фанатиком, или вообще ничего не понимать в языке, чтобы это нравилось. Дух Пушкина, Толстого, Гоголя передается теми же приемами, какими безграмотный хулиган пишет на заборе» [Зайцев 1917в: 8].

Зайцев приводит мнение художников-оформителей: «графически новая письменность отвратительна. Она губит всякий, даже лучший шрифт» [Зайцев 1917в: 8]. Саркастически отзывается о Н.А. Морозове, который призывал изъять “ненужные” буквы из типографий». Слой общества, для которого вопросы языка небезразличны, — это «писатели-художники, те, кто полжизни провел в общении со словом, для кого слово есть жизнь и воздух». Но мнение людей искусства было проигнорировано, и Зайцев варьирует тезис об антиэстетическом характере реформы: «Утилитаризм и плебейство — вот основы “преобразования”. О каких “оттенках” можно говорить, когда никто из реформаторов ни о каких красках в языке не думал; ни о какой красоте языка — речи не подымалось, и подняться не могло, ибо реформа исходит не от художников слова, а от бухгалтеров его» [Зайцев 1917в: 7]. Язык, это «драгоценное наследие прошлого», приспособливают для удобства школы, а также «для торговых контор, банков, промышленности, для газет, большевистских воззваний» [Зайцев 1917в: 8].

Почему и художники, и писатели столь негативно отзываются о школьных учителях? Дело в том, что многие из педагогов активно поддержали новшества. В частности, за реформу правописания высказался Всероссийский съезд преподавателей русского языка и словесности, проходивший в декабре 1916 — январе 1917 г. в Москве. О характере настроений после Февраля говорит, например, резолюция народных учителей Пензенского уезда, в которой они выразили свое «революционное требование» по поводу подлежащих исключению букв: «На правах революции изгнать их из употребления и вбить в их могилы осиновый кол. Да сгинет последний остаток ненавистой царской власти»

[Шагинян 1917].

Б.Зайцев ссылается на опыт Франции, где похожая попытка реформы орфографии в начале XX века «провалилась под ударами французских литераторов» [Зайцев 1917в: 7]. Французские писатели, опираясь на поддержку широкой общественности, заблокировали проект филологов. Традиционная беда русской культуры видится Зайцеву в том, что дела здесь вершат бездушные чиновники. Пассажи Зайцева звучат с горькой актуальностью: «Характерно и то, как это нововведение вводилось: вполне игнорировали людей искусства, художников слова. Это уже древне-чиновничья русская закваска. Русская литература, прославившая Россию на весь мир, чуть не единственное наше незыблемое достояние, — русская литература была на дурном счету как у Николая I и всех дальнейших, так и у нынешних хозяев. Русским художникам, которых при жизни все ругают, кому не лень, можно ставить иногда памятники (если кости вполне истлели). Но считаться с ними, признавать их голос влиятельным — это... чрезмерно» [Зайцев 1917в: 8].

Одухотворенная, эмоционально напряженная, статья Бориса Зайцева завершается призывом к русской интеллигенции не ограничиваться кулуарными пересудами, но решительно выступить в защиту традиций: «...Нынешняя русская литература может и должна подать свой голос в вопросе, близко ее касающемся. Иначе нашу прозу и стихи станут печатать на жаргоне при безгласии безгласной России. Если нам это не понравится, нас спросят: “почему же вы молчали”?» [Зайцев 1917в: 8].

Однако в условиях наступившей диктатуры публичный протест становился все более проблематичным. Откликнулся Вяч. Иванов, написавший для известного сборника статей о русской революции «Из глубины» (1918) свои заметки с точно таким же названием – «Наш язык». Возражая против «произвольных новшеств», поэт-символист говорит о духовном смысле реформы. Он усматривает в ней искусственное

обмирщение языка, намерение вытеснить из него церковно-славянские элементы. Но к читателям этот текст попал не скоро: тираж сборника был изъят из обращения. (Подробнее см.: [Троицкий 2002]).

Другие литераторы оставили нелицеприятные суждения о реформе лишь в дневниках — как, например, Александр Блок в записи от 18 января 1918 г.: «Я поднимаю вопрос об орфографии. Главное мое возражение — что она относится к технике творчества, в которую государство не должно вмешиваться. Старых писателей, которые пользовались ятями как одним из средств для выражения своего творчества, надо издавать со старой орфографией» [Блок 1963: 319]. Иван Бунин записал 24 апреля 1918 г.: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевицкого правописания» («Окаянные дни») [Бунин 1990: 88]; Зинаида Гиппиус в дневниковой записи от 1 сентября 1918 г. заметила: «ввели слепую, искажающую дух языка орфографию» [Гиппиус 2005: 441].

Таким образом, статья Б. Зайцева (наряду с заметкой Н. Досекина) стала одной из немногих апологий старой орфографии, опубликованных в России советского периода. Можно еще упомянуть заметку М.О. Гершензона «О новом правописании» в эсеровской газете «Возрождение» (июнь 1918-го). Историк культуры напомнил, что чтение есть прежде всего акт зрительный, в то время как в основание реформы положили принцип фонетический и тем самым смешали письменность и звучание. Зрительный образ слова, его духовное воздействие, заключенные в нем «незримые лучи», «нечто живое» — вот что упустили лингвисты-реформаторы [Гершензон 1918: 5–6].

Художник и архитектор Борис Николаевич Николаев (1869–1953) в период с ноября 1917-го по июнь 1918-го выступал в ряде творческих объединений, которые затем в своих резолюциях выразили «единодушное признание неудовлетворительности реформы правописания 1917 г. и опасности проведения ее в жизнь» [Николаев 1918: VI]. К новой

письменности он подошел с позиций психофизиологии чтения и изложил свои воззрения в брошюре «В защиту русской письменной речи. По поводу упрощения русского правописания» (Пг., 1918). Основная мысль автора: новое письмо, обслуживающее «обывательские интересы учителей», принесет непоправимый вред русской грамотности [Николаев 1918: 39]. Изгнанные из алфавита буквы — вовсе не лишние знаки, они способствуют более быстрому, легкому и точному усвоению мысли.

Возможности печатно выражать протест против распоряжений властей неуклонно сокращались. Закрывались последние оппозиционные издания. 10 октября 1918 года вышел еще один декрет Совнаркома «О введении новой орфографии», окончательно закрепивший реформу. Использование традиционного правописания стало рассматриваться как дело политическое — пособничество контрреволюции.

Сам Борис Зайцев, ставший классиком литературы русской эмиграции, сохранял верность прежнему письму на протяжении всего творческого пути, завершившегося в 1972 году. Издания русского зарубежья в массе своей перешли на новую орфографию только в послевоенные годы, хотя некоторые печатные органы сохраняют ее поныне [Оглезнева 2007]. Дискуссия о реформе правописания переместилась в русское зарубежье. Политический, историко-культурный и духовный смысл реформы был проанализирован в работах Ивана Ильина, архиепископа Аверкия (Таушева); эти и другие работы вошли в издание [Сборник статей русском национальном правописании] (подробнее см.: [Колотилова 2011: 30–32]). Оценкам реформы, полемике и орфографической практике в русском зарубежье посвящены также работы [Венедитти 2014] и [Оглезнева 2007].

Статья Зайцева — яркая, остро публицистичная, стала, безусловно главным материалом «Народоправства», посвященным судьбам языка. Блока и Бунина постоянно цитируют в работах об истории

орфографической реформы; работа Зайцева оказалась забытой и в отечественном, и в зарубежном литературоведении. Спустя век, в год 100-летия реформы, она републикована и теперь доступна широкому кругу читателей и исследователей: [Любомудров 2017: 185–188].

Полемика по поводу реформы возобновилась в наши дни. Ряд ученых полагает, что отказ от традиционной орфографии был составной частью насильственного изменения культурного кода русского народа, и «сегодняшний упадок письменной и устной речи, незащитность перед англоязычной экспансией и жаргонизмами» — прямые следствия этой ломки [Федоров 2008]. Современные филологи приходят к выводу: «Отказ от старой орфографии под предлогом того, что она была слишком трудна и громоздка <...> привел к отчуждению носителя языка от самого облика классических литературных текстов, религиозной литературы, к отчуждению от духовности» [Каверина, Лещенко 2008: 123].

О полном возвращении к прежнему письму речи не идет, но ряд энтузиастов ставят вопрос о восстановлении прежней орфографии в изданиях русской классической литературы [Федоров 2008], [Колотилова 2011: 33]. Первые попытки в этом направлении уже делаются: в 1995 г. начато издание Полного собрания сочинений Ф.М.Достоевского в авторской орфографии и пунктуации.

Идеи авторов «Народоправства», отстаивающих языковую традицию как важнейшую ценность отечественной культуры, спустя век обретают актуальность на новом историческом этапе.

Литература

- Аркин Д.Е. Судьба языка // Народоправство. 1917. 1 сент., №. 8 С. 7–9.
 Блок А.А. Собр. соч.: В 9 т. М., Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. — 544 с.
 Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. — 176 с.
 Вендитти М. Вопрос о реформе орфографии в эмиграции (Н.К. Кульман и Ф.А. Браун) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014. № 5. С. 716–722.
 Гершензон М.О. О новом правописании // Возрождение. Большая ежедневная политическая и литературная газета. 1918. 9 июня (27 мая), № 7. С. 5–6.

- Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники: 1919—1941. Из публицистики 1907—1917 гг. Воспоминания современников / Сост., примеч., указ. имен Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2005. — 560 с.
- Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII-XX вв). М.: Элпис, 2004. — 455 с.
- Досекин Н.В. Обязательная безграмотность // Народоправство. 1917. 7 дек., № 17. С. 8–10.
- Зайцев Б.К. «Мы, военные» // Народоправство. 1917. № 1. С. 7–9; № 2. С. 5–7. Републиковано (в сокращении): Любомудров А.М. «Господа юнкера, кем вы были вчера...» Отрывки из воспоминаний писателя Серебряного века Бориса Зайцева (1881–1972) — московского юнкера в дни февральских событий 1917 года // Родина. 2017. № 2. С. 98–103.
- Зайцев Б.К. Открытое письмо А.В. Луначарскому // Народоправство. 1917. 7 дек., № 17. С. 16. Републиковано: Зайцев Б.К. Собр. соч. В 11 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 6. С. 327–328.
- Зайцев Б.К. Наш язык // Народоправство. 1917. 7 дек., № 17. С. 7–8.
- Каверина В.В., Лещенко Е.В. Буква «ять» как идеологема российского дискурса на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 117–124.
- Колотилова А.Э. Буквенные изменения в русском алфавите // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. №12 (107), вып. 10. С. 29–36.
- Любомудров А.М. «Утилитаризм и плебейство — вот основы преобразования». Статья Б. Зайцева «Наш язык» в контексте орфографической реформы // Москва. 2017. № 3. С. 183–188.
- Николаев Б.Н. В защиту русской письменной речи. (По поводу упрощения русского правописания). Пг., 1918. — 42 с.
- Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье: орфографический аспект // Вестник Томского ГУ. 2007. № 299. С. 16–23.
- Сборник статей о русском национальном правописании. М.: Издательство ЛКИ, 2006. — 80 с.
- [Розанов В.В.] Заметки о новом правописании // Новое время. 1917. 14 (27) июня, № 14802. С. 4 (под псевдонимом Обыватель).
- Троицкий В.П. «Парерга и паралипомена»: (Статья Вячеслава Иванова «Наш язык» — публикация, комментарии и размышления) // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2002. С. 203–226.
- Федоров А.В. К 90-летию декрета о введении новой орфографии // Русский Вестник. Дата публикации: 05.11.2008. Эл. ресурс: <http://www.rv.ru/content.php3?id=7698> (дата обращения: 14.12.2017).
- Чудовский В.А. За букву ъ // Аполлон. 1917. № 4 –5. С. V–VIII . Републиковано: Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1991. № 6. С. 68–72. Публикация О.С. Широкова.
- Шагинян М.С. Тяп да ляп. (Письмо в редакцию) // Русская Воля. 1917. 2 июля, № 155. С. 2.

Любомудров Алексей Маркович, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), доктор филологических наук.
alex3779@yandex.ru